

THESAURUS

А. И. Доватур

ПЛАТОН ОБ АРИСТОТЕЛЕ

Среди вышедших за последнее время работ об Аристотеле видное место занимают статьи, обязанные своим возникновением тому, что один видный зарубежный ученый назвал особым способом читать Аристотеля¹.

Корни этого способа следует искать в дважды издававшейся книге В. Иегера², заставившей специалистов по-новому взглянуть на литературное наследие Аристотеля. Если для средних веков Аристотель был непогрешимым учителем мудрости, создателем имевшей непреходящее значение, законченной и всеобъемлющей философской системы, и такое представление о нем в какой-то степени еще долго определяло собой отношение к сохранившимся его трудам со стороны ученых нового времени, то после книги Иегера и сторонники его и противники совершенно отказались от старой точки зрения. Литературное наследие основателя Ликия стало изучаться с новых, «генетических» позиций³. В произведениях Аристотеля начали искать следы постепенного их возникновения и отражение эволюции аристотелевской мысли даже в пределах одного и того же произведения. Искания автора, изменение самого

¹ Bidez J. A propos d'une manière de lire Aristote. — «Académie R. de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques», 5me série, XXX (1944), P. 43 sq.

² Jaeger W. Aristoteles, Grundlagen einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin, 1923; 1955.

³ На генетической точке зрения (с большими или меньшими отклонениями от Иегера) стоят в своих работах, например: Arnim H. von. Zur Entstehungsgeschichte der aristotelischen Politik. — «Akademie d. Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte», Bd. 200, Abh. 1 (1924). S. 12 sq.; Barker E. The life of Aristotle and the composition and structure of the Politics. — CR 45 (1931). P. 162 sq.; Siegfried W. Zur Entstehungsgeschichte von Aristoteles' Politik. — «Philologus» 88 (N. F. 42), (1933). S. 362 sq.; Theiler W. Bau und Zeit der aristotelischen Politik. — MH 9 (1952). S. 65 sq.

хода его мыслей, обогащение последних — вот что стало объектом изучения как в больших исследованиях, посвященных творчеству Аристотеля в целом или отдельным его большим произведениям, так и в статьях, разрабатывающих вопросы более детального порядка.

Наметилась (в этом и состоит новый способ чтения Аристотеля) еще одна линия исследований. Делаются удачные попытки связать отдельные места в произведениях Аристотеля с обстоятельствами его жизни. Задача эта, разумеется, не легкая. В противоположность поэту или прозаическому писателю, ученый и философ, как правило, не фиксирует в своих произведениях мимолетные или даже длительные настроения и факты своей биографии. Тем не менее средствами филологической экзегезы оказалось возможным с достаточной степенью правдоподобия установить связь между одной высказанной в утраченном диалоге мыслью (правда, облеченной в яркую образную форму) и одним (с полным основанием предполагаемым) эпизодом жизни Аристотеля. В диалоге «Περὶ φιλοσοφίας» имелось сохраненное нам Цицероном (*De natura deorum* II, 37 = fr. 12 Rose) необычное для позднейшей писательской манеры Аристотеля красочное место. Речь шла о воображаемых людях, которые проводят свою жизнь под землей и никогда не выходят на ее поверхность; при этом они обладают прекрасными жилищами, которые украшены статуями и картинами. Эти люди знают понаслышке о существовании богов. Внезапно земные недра раскрываются. Обитатели их выходят на поверхность земли. Они видят землю, моря, небо, узнают величину облаков и силу ветров, созерцают солнце, познают его величину, красоту и действие — оно производит день, рассеив лучи по всему небу; когда же ночь спускается на землю, они видят рассыпанные по небосводу и украшающие его звезды, а также изменение света луны, то возрастающей, то убывающей, вместе с тем — восход и заход светил и их рассчитанные навеки неизменные движения. Увидя все это, люди немедленно поверили бы в существование богов и признали бы творением богов все то, что представилось их взору.

Остроумной догадке филолога мы обязаны интересным комментарием к этому месту⁴. Есть известие о том, что, по инициативе Филиппа Македонского, были обследованы заброшенные рудники на предмет выяснения возможности их дальнейшей эксплуатации. Это произошло, вероятно, тогда, когда Аристотель жил в Македонии в качестве воспитателя Александра. Вполне правдоподобно участие Аристотеля в этом обследовании. Спускаясь под землю, он, после довольно продолжительного пребывания там, мог подниматься вверх в разное время суток и, следовательно, не раз испытал нечто подобное тому, что он при-

⁴ Bidez J. Указ. соч.

писывает своим воображаемым обитателям внутренних частей земли. Само собой разумеется, мы не вправе решительно отрицать отталкивание Аристотеля от знаменитой пещеры Платона в «Государстве» (VII, 1–2), но при любом решении вопроса об отношении образов Аристотеля к образам Платона решающую роль в создании первых придется отвести собственным переживаниям Аристотеля во время выполнения им ответственного правительственного поручения.

Изучение писем и завещания Аристотеля помогает подойти к пониманию личности философа, уяснить себе его «человеческое лицо» и тем самым вдохнуть жизнь в довольно скудные факты его биографии⁵.

Имеется и очень тщательное маленькое исследование сочинений Аристотеля с точки зрения отражения в них внешней обстановки, в какой читались его лекции⁶. Стандартные примеры, которые любит приводить Аристотель, наводят на мысль, что в аудитории был трехногий стол, деревянное ложе, бронзовая статуя, бронзовый глобус, диаграммы и изображения на белом фоне (λευχῶμα) — для курсов этики, логики, зоологии, ботаники, анатомии. Во время своих лекций Аристотель указывал пальцем на соответствующее место в своих диаграммах, как это ясно видно из одного пассажа «Истории животных» — θεωρεῖσθω δὲ τὰ εἰρημένα ταῦτα ἐκ τῆς ὑπογραφῆς τῆσδε (III, 1, 510a, 29 sq).

Предлагаемый ниже опыт интерпретации одного античного свидетельства о словах Платона по поводу занятия Аристотеля является результатом знакомства с работами охарактеризованного выше направления. Если внести поправку в традиционное понимание этого свидетельства, то, как кажется, получается возможность уловить один оттенок в отношениях между руководителем Академии и его великим учеником.

Сообщение, которым предстоит заняться, находится в Vita Marciana (Rose⁷, p. 428, 1 sq. = Düring⁸, p. 98, S. 6 sq): καὶ οὕτω φιλοπόνως συνῆν (scil. ὁ Ἀριστοτέλης) Πλάτωνι, ὡς τὴν οἰκίαν αὐτοῦ ἀναγνώστον οἰκίαν προσαρνεθῆναι, θὰ μὰ γὰρ Πλάτων ἔλεγεν «ἄπιμεν ὡς τὴν τοῦ ἀναγνώστου οἰκίαν» καὶ ἀπόντος τῆς ἀκροάσεως ἀνεβόα «ὁ νοῦς ἄπεισι, κωφὸν τὰ κρωτήριον» — «и в общении с Платоном он (Аристотель) проявлял такое трудолюбие, что дом его получил название дома читателя; ведь Платон часто говорил: «пойдем к дому читателя», и когда он

⁵ См.: Aristotelis epistolarum fragmenta cum testamento ed. et ill. M. Plezia. Varsoviae, 1961; Plezia M. The human face of Aristotle. — «Classica et Mediaevalia», 22 (1961). P. 16 sq.

⁶ Jackson H. Aristotle's lecture-room and lectures. — «Journal of Philology», 35 (1920). P. 191 sq.; см. также: Düring J. Aristotle in the ancient biographical tradition (Acta Universitatis Gothoburgensis 63, № 2). P. 371 sq.

⁷ Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta coll. Valentinus Rose. Lipsiae, 1886.

⁸ См. примечание 6.

(Аристотель) не присутствовал на лекции, восклицал: «разум отсутствует, аудитория глуха!».

Почти то же дает *Vita Aristotelis latina* (Rose, p. 443, 12 sq. = Düring, p. 152, § 6 sq. — эта биография переведена с греческого, но не с *Vita Marciana*): «et tantam adeptus est dilectionem Platonis et diligentiam circa studium philosophiae quod Plato domum Aristotelis domum lectoris vocabat et frequenter dicebat «eamus ad domum lectoris» et ipso absente a lectione clamabat «intellectus abest, surdum est auditorium».

В обеих биографиях словам Платона об Аристотеле-читателе (анагносте) безоговорочно придается почетный для Аристотеля смысл. Традиция поздней античности (неоплатоническая)⁹, отразившаяся в «*Vita Marciana*», считала слова Платона данью уважения учителя трудолюбию ученика. Ученые нового времени иногда повторяют такую интерпретацию¹⁰.

Наша задача — попытаться уяснить себе смысл оценки Платоном занятий Аристотеля, исходя из конкретных культурно-исторических условий.

Начнем с вопроса: есть ли уверенность в подлинности самого свидетельства? Вопрос этот не должен считаться праздным. Ведь жизнеописания Аристотеля, в частности и «*Vita Marciana*», содержат, наряду с достоверными данными, и явно недостоверные сообщения — например, будто Аристотель посетил много земель как спутник Александра (Rose, p. 428, 7; 431, 8 — Düring, p. 98, § 8; p. 100, § 23).

Речь идет о том, что Аристотель много читал. Чтение не могло вызывать удивления и, во всяком случае, быть объектом особого внимания со стороны окружающих в эллинистическую эпоху, когда собирались большие библиотеки и степень образованности человека зависела в сущности от большего или меньшего количества знакомых ему книг; всякий занимавшийся философски-

⁹ Busse Ad. Die neuplatonische Lebensbeschreibung des Aristoteles. — «Hermes» 28, (1893). S. 252 sq. — Поправку к этой статье дает Дюринг (*Düring J.* Указ. соч., стр. 116 сл.): существовало жизнеописание Аристотеля, написанное Птолемеем; из этого жизнеописания была сделана *Epitome*, которая, в конечном счете, и отразилась в имеющихся у нас биографиях.

¹⁰ См., например: *Buhle J. Th.* Aristotelis vita per annos digesta (*Aristotelis opera omnia* I. Bionti, 1791. P. 86): «Sicut etiam idem (= Plato), cum inexplicabili cupiditate antiquorum philosophorum scripta legendi omnes aequales superaret Aristotelem hunc ἀναγνώστου nomine ornasse fertur». *Carrière M.* De Aristotele Platonis amico eiusque doctrinae iusto censore, *Gottingae* 1837, p. 17 sq.; quum (scil. Aristoteles) nunquam languescens antiquorum opera philosophorum legendi studio omnes aequales longe superaret, Stagiriten hunc ἀναγνώστου nomine ornavit».

ми или научными изысканиями был тогда усердным читателем. Трудно представить себе, чтобы в эпоху книжной культуры могли быть придуманы слова Платона об Аристотеле-читателе. Они понятны на фоне условий классической Греции, когда книга и чтение еще не заняли в культурном обиходе того места, какое они завоевали впоследствии¹¹.

Много ли читали люди, принадлежавшие к кружку Сократа? Насколько мы можем представить себе их времяпрепровождение, они занимались преимущественно беседами. У Ксенофонта (Мемораб. IV, 2) Сократ беседует в шорной мастерской с Эвтидемом, который намерен заняться государственной деятельностью и для этого собирает книги и, надо думать, читает их; Сократ в процессе беседы доводит Эвтидема до сознания, что тот ничего не знает, т. е. научает его тому, чему не могли бы научить книги. Характерно, что в комедии Аристофана «Облака» при описании фронтистерия не упоминаются книги — есть астрономические и землемерные инструменты (ст. 201–202), географическая карта (ст. 206). Нет никакой возможности отнести слова ἀστρονομία, γεωμετρία, γῆς περίοδος к свиткам, содержащим изложение соответствующих научных дисциплин — ведь на вопрос, для чего нужна «геометрия», ученик Сократа отвечает: «для измерения земли», а после упоминания о γῆς περίοδος он объясняет: «здесь Афины». Схолиаст делает ремарку к стиху, в котором сказано об «астрономии», — «указывает на сферу», а к дальнейшим стихам — «указывает на астрономические и географические чертежи». Присутствия свитков мы не видим и в конце комедии, хотя здесь, в сцене пожара, они, как горючий материал, не были бы забыты, если бы автор считал их необходимой принадлежностью фронтистерия. У Аристофана и его современников место, где занимаются умственной деятельностью, не ассоциируется с представлением о коллекции книг, о библиотеке.

С этим вполне согласуется то, что нам известно о первых собраниях книг. Такое собрание было у Еврипида и позднее, более богатое, у Аристотеля¹². Начитанность Еврипида, как известно, не вызывала уважения со стороны

¹¹ *Czoiwet A. et M. Histoire de la littérature grecque IV. 2-me ed. Paris, 1900. P. 744; «Век книжной учености начинается с Аристотеля. До этого Греция пела, говорила, слушала, но читала мало. Большие библиотеки появляются лишь при Птолемах. Аристотель один из первых в Греции стал много читать». — Taine Hippolyte. Les jeunes gens de Platon. Essais de critique et d'histoire. 5-me éd. Paris, 1887. P. 156: «Философия родилась в Греции не так, как у нас — в кабинете, среди бумажных груд, — а на свежем воздухе, под ярким солнцем, там, где молодые люди, утомясь от палестры и прислонясь к колонне гимназия, беседовали с Сократом об истине и о благе».*

¹² *Düring J. Указ. соч., стр. 336 сл.*

Аристофана. Иронически окрашенные слова в «Лягушках», пусть вложенные в уста самого Еврипида, свидетельствуют об обратном: он давал «сок болтовни, процеживая его из книг» (ст. 943).

Чтобы уловить оттенки, казалось бы, не вызывающего никаких вопросов суждения Платона, следует обратиться к высказываниям Платона о книгах и чтении. Прежде всего, однако, остановимся еще на самом разбираемом нами свидетельстве. Оно предполагает вполне конкретную ситуацию. Идя к дому Аристотеля со своими учениками, Платон говорит: «пойдем к дому читателя», тем самым намекая на занятие, которому Аристотель предается в домашней обстановке. Отпадает, следовательно, предположение об использовании Аристотеля в качестве чтеца в Академии¹³.

В «Протагоре» (17, 329A) Платон делает сравнение между книгами и людьми. Первые не умеют ни отвечать на вопросы, ни задавать вопросов.

Но и люди не одинаковы. Хотя все они способны отвечать, но ораторы произносят длинные речи и дают длинные ответы. Протагор же, хотя речи его и длинные, обладает будто бы способностью отвечать кратко. Иначе говоря, идеальным является общение с теми, кто умеет задавать вопросы и кратко отзываться на вопросы собеседника. Книги меньше всего соответствуют этому идеалу.

Та же мысль о неспособности книг удовлетворять возникающие у читателя запросы выражена более детально в «Федре» (58, 274C–275D). Сократ рассказывает здесь об изобретении письмен египетским божеством Февфом, которому человечество обязано также открытием числа, счета, геометрии, астрономии, игры в шашки и игры в кости. Египетский царь Фамус, знакомясь с изобретениями бога, спрашивает, какая будет польза от каждого из этих изобретений, и в зависимости от ответа одно одобряет, другое порицает. Когда дело доходит до письмен, изобретатель говорит: «Эта наука, о царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми — ведь найдено средство приобрести память и мудрость» (274E). Царь не обнаруживает склонности согласиться и возражает: изобретателю не дано судить о пользе и вреде его изобретения, решающее слово произносит другой. По мнению царя, употребление письмен отнюдь не укрепит память, так как люди, выучившись записывать, перестанут заботиться об укреплении памяти.

Не согласен царь признать письменность и подсобным средством для приобретения мудрости: это будет мудрость не подлинная, а лишь кажущаяся; грамотным людям будет легко познакомиться со многими предметами и благодаря этому, не обладая настоящим образованием, создавать иллюзию богатства мыслей (275A). В сущности, книги оказываются подобными произведениям живо-

¹³ Такое предположение см.: *Gezcke A. PWRE, Bd. II (1896), col. 1013, s. v. Aristoteles 18.*

писи, которые можно принять за живые, «однако, если им задать какой-нибудь вопрос, они очень торжественно молчат» (275D). Так и литературные произведения, как может показаться, говорят разумно, но на самом деле в ответ на вопросы о смысле сказанного умеют только всякий раз твердить одно и то же¹⁴.

Не чтение, а живая беседа была главной формой умственной деятельности и умственного общения философов Академии. Надо думать, иногда читались и законченные произведения; чтение было обязанностью раба-анагноста¹⁵. Затем происходило обсуждение вопросов, которым была посвящена прочитанная книга. Но гораздо чаще положение или замечание, высказанное кем-либо из собеседников и служившее исходной точкой для беседы, не имело отношения к книгам. Во всяком случае из диалогов Платона не видно, чтобы они непосредственно вырастали из мыслей, навеянных только что прочитанной книгой.

Начавшая входить в обиход культурного человека книга не сразу вытеснила устную беседу в качестве основного средства умственного воздействия на молодежь. Сторонником примата беседы над книгой Платон прямо выступил в приведенных выше местах своих диалогов, относящихся к тому времени, когда Аристотель не был еще слушателем Академии¹⁶; в дальнейшем он нигде не отрекался от своего мнения¹⁷.

¹⁴ Любопытное, хотя и не вполне параллельное место находим у Ксенофонта (Мем., I, 4, 3). На вопрос Сократа о том, какие люди вызывают у него восхищение своей мудростью, Аристодем называет автора эпических поэм Гомера, автора дифирамбов Меланиппида, автора трагедий Софокла и живописца Зевксиды. Дальше собеседник подводит его к заключению, что создатели людей (т. е. боги) более достойны изумления, нежели те, кто создал «лишенные мысли и неподвижные изображения». Слово εἰδωλα можно отнести только к произведениям ваяния и живописи, но не к литературным произведениям или к их героям. Во всяком случае произведения литературы уже поставлены рядом с неразумными и неподвижными произведениями резца и кисти.

¹⁵ О рабах-анагностах и о позднейших анагностах, выступавших с публичными чтениями, см.: Мау, PWRE, Bd. I (1894), col. 2025, s. v. anagnostes. Имеется и надпись на могиле анагноста в Неоклавдиополе («Studia Pontica, III, Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie». Bruxelles, 1910, № 70b). Об анагностах христианского мира см.: Hanton E. Lexique explicatif du «Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. «Byzantion», IV (1927–1928), p. 63 sq.

¹⁶ «Протагор» относится к раннему периоду писательской деятельности Платона, он написан, возможно, еще при жизни Сократа; «Федр» создан не позднее 392 г. — См.: Zellez Ed. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung, T. II, Abt. 1, 5. Aufl. Leipzig, 1922, p. 528, 539.

¹⁷ Вероятно, ко времени споров о преимуществах книжного или устного обучения восходит и поговорка о том, что живой голос обладает большей действенной силой, нежели безгласные учителя. Об этой поговорке см.: Boot ad Cic. ad Att. II, 12, 2.

После всего сказанного нельзя видеть в отзыве Платона об Аристотеле только выражение восхищения учителя перед безграничной любознательностью ученика. Ведь чтение, с точки зрения Платона, — не столь уж плодотворное занятие. Нельзя, впрочем, отрицать и элемента похвалы в этом отзыве — он и дал возможность биографам поставить слова Платона об Аристотеле-читателе рядом с другими его словами, об Аристотеле-разуме¹⁸. Естественнее всего понимать слова Платона как похвалу с оттенком иронии в духе Сократа: последний любил возвеличивать собеседника, но главным образом для того, чтобы посмеяться над ним¹⁹. За словами, как будто констатирующими похвальный факт, скрывается недоверчивая улыбка, с какой нередко представители уходящей фазы человеческой культуры встречают новшество, знаменующее собой приход нарождающейся новой фазы.

¹⁸ Впрочем, впервые заподозривший иронический смысл в словах Платона об Аристотеле-анагносте Дюринг усматривает иронию и в наименовании «разум» (*Düring J.* Указ. соч., стр.109).

¹⁹ О сократовской иронии (применительно к словам Алкивиада о Сократе в «Пире», 33, 216E, ср. 34, 218D) — см.: U. v. Wilamowitz-Moellendorff, *Platon*, I, 2. Aufl. Berlin, 1920, p. 572, № 1.